

Елена Палашек

Рассказы обо мне

Экзамен по философии

Моя память – сторожевая собака, стерегущая пустую будку, пока чужие люди копаются в доме. Однажды я прочитала, что Джордано Бруно предложил идею нового человека на основе сильной памяти. Осознав, что эта теория не обо мне, я, как положено оптимисту, начала заменять воспоминания воображением. Хотя не все так печально – иногда получается обнаружить среди бело-черных пятен разноцветные: взять тот же кандидатский минимум по философии...

* * *

У профессора Донецкого университета забарахлила машина, а ехать ему сто километров из Донецка в Краматорск на автобусе было запаadlo (чисто донбасское выражение, которое использовала даже профессура). Экзаменационная комиссия по протоколу обязана включать в себя хоть одно научное светило. Поэтому все летело в тартарары. Кровь из носу, мне нужно было сдать этот экзамен сегодня: на завтра ожидал Ленинград (ныне Петербург) – вторая культурная столица мира после Одессы, если мыслить в масштабах совка, к чему нас приучали в то время.

Для меня любое препятствие – это камень поперек дороги. А любые камни, даже в мой огород, я люблю превращать в ступеньки. Воодушевленная своей наглостью и ничем более, я вломилась в кабинет ректора. Уже через минуту он понял, что мы все на подводной лодке, и разрешил взять служебную «Волгу» вместе с водителем.

В Донецк мчались, догоняя потерянное время, а вот назад профессор попросил ехать осторожно, пытаясь убедить меня словами Евтушенко:

– Проклятье века – это спешка, и человек, стирая пот, по жизни мечется, как пешка, попав затравленно в цейтнот.

Я многозначительно улыбнулась человеку, от которого зависело в тот момент все, в том числе оценка:

– Это вы о том, что тот, кто выжидает и медлит, достигает всего, а тому, кто торопится, достается остальное?

Мое неуклюжее философствование было фатальной ошибкой: профессор то ли обиделся, то ли решил сэкономить время и начал экзамен прямо в машине. Почти сто километров философских вопросов, хотя экзаменатор старательно делал вид, что мы просто беседуем. Именно это меня спасло – я не волновалась.

Наконец доехали! Мы вошли в аудиторию под аплодисменты ждущих аспирантов.

Я первая подошла к столу, на котором лежали тасованные не одними руками билеты. И тут профессор очень удивил комиссию, а еще больше, естественно, меня:

– Надеюсь, все знают эту очаровательную девушку?

Остальные, менее титулованные, скромно кивнули.

Сердце разогнало кровь до скорости света, я покраснелась, а профессор продолжил:

– Всю дорогу я экзаменовал эту леди и не возражаю поставить ей «отлично».

– Да! – взвизгнула я и сделала пируэт.

Аудитория наполнилась хохотом.

Отмечали мы до утра дома у одного из аспирантов, и я бесконечно хвасталась, как было трудно сдавать экзамен целых сто километров.

* * *

В доме, что я построила в Одессе у самого моря, мне принадлежит всего одна квартира. Однако я могу смело утверждать, что каждый кирпич мои мысли клали вместе со строителями. И вот теперь на последнем этаже я могу стоять хоть сутками и впитывать в себя самые красивые на свете одесские рассветы и закаты.

* * *

Многие годы спустя меня неожиданно пригласили в гости. Перелетев океан, я оказалась в Калифорнии. Через несколько дней мне стало нравиться шумное месиво пряного воздуха, бесконечной мечтательности, шулерства и прохиндейства со вкусом оптимизма. Где еще простой английский акробат по имени Арчибальд Лич мог превратиться в любимого мною Кэри Гранта? Или австрийский культурист (да-да, я про Арнольда) пройти свой путь от простого трудяги до губернатора? Попав в этот волшебный мир, я терялась среди мерцающих аллей, непонятных музеев и потока нагловатых автомобилей. Надпись «Hollywood» подарила кучу фотографий для друзей в Фейсбуке.

Пытаясь вспомнить, зачем сюда полетела, я искала поводы побыть одной. Благо дело приглашающая сторона, похлопав меня по спине, широко распахнула руки, давая полную свободу.

Насладившись достопримечательностями и пестрой толпой, которую объединяли любовь к длиннотелым пальмам, шум океана и чемоданчик на случай землетрясения, я наконец позволила себе порыбачить и заодно посмотреть, как этим занимаются лосанджелосяне.

Неуклюжий, на первый взгляд, рыболовный кораблик оказался достаточно устойчивым, рыбаки и команда – приветливыми, а вот удача от меня отвернулась – долго не могла ничего поймать. Во время очередного перехода в поисках рыбного места ко мне подошел симпатичный мужчина, который показался знакомым.

– Вы меня не помните? – неожиданно спросил он по-русски.

– А должна? – разулыбалась я.

– Я тот самый профессор, которого вы похитили из института и привезли в Краматорск.

– Oh, my God! Как вы тут? Почему?

– Уточните, что вы имеете в виду: тут – это на рыбалке или в Америке?

– Ой, и там, и там.

Профессор посмотрел на меня, как на студентку, не знающую его предмет:

– Сейчас я хочу вам помочь ловить рыбу, а вечером за ужином готов ответить на все вопросы.

О чудо! Тут же начался клев и у меня.

Вечером по дороге в ресторан профессор снова цитировал Евтушенко:

– Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы – как истории планет. У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее.

– Можно я буду называть вас «мой профессор», чтобы нас не заподозрили в чем-то другом? – я пыталась шуткой скрыть свою плохую память: процитировать в ответ ничего не могла. – Вы счастливы здесь?

– Очень счастлив! В отличие от украинских коллег, ощущаю свою нужность. Здесь наука все еще в фаворе. У меня обеспеченная старость.

– Можете поднять верх?

Ветер, огибая лобовое стекло кабриолета, больно хлестал по щекам.

– Уже приехали, – машина резко затормозила у ресторана. – Что же вы раньше не сказали?

– Знаете, профессор, в вашем возрасте у нас кабриолеты не водят, да и я в них не каталась, вот и не опытна в таких просьбах.

Мы рассмеялись.

– И вам не стыдно напоминать мне о возрасте в тот момент, когда я решил за вами поухаживать?

– Простите, – сказала я, пряча боль в улыбке, – как могло случиться так, что умные и талантливые стали ненужными у нас, в Украине?

– Мы часто ищем ненужные вещи в ненужных местах. Вы помните, что все относительно? – мой профессор обошел машину, открыл дверцу, протянув руку. – Не откажите в любезности разделить ужин с грешным профессором, которого вы неосторожно назвали вашим.

– Знаете, как я вас ненавидела, когда сдавала экзамен целых сто километров?

– Помнится, вы по многим темам плавали.

– Вранье! – эмоционально возмутилось мое самомнение. – Вы и тогда уже не были молоды, и, наверное, забыли.

– Вы так упорно напоминаете мне о возрасте, но унывать что-то не хочется. «Так как смерть все равно мне пощады не даст –

пусть мне чашу вина виночерпий подаст! Так как жизнь коротка в этом временном мире, скорбь для смертного сердца – ненужный балласт». Вы согласны с Омаром Хаййомом?

Я взяла профессора под руку и прижалась к его плечу:

– Мне так спокойно с вами. Так приятно наслаждаться обществом счастливого человека, пусть даже в преклонном возрасте. Вы мудрый, галантный и красивый. Но... меня не отпускает чувство вины! Многие профессора на моей родине, в Одессе, не могут иметь такой уверенности и достойной жизни. Ну не уезжать же им всем, в конце концов!

Профессор погладил мою руку:

– А почему бы и нет? Перефразирую Эпикура: мудрая природа нужное сделала легким, а тяжелое – ненужным.

– Чувствую, что мне тяжело будет расстаться с вами.

Я перестала ощущать разницу в возрасте, и захотелось вернуть сто километров экзамена, чтобы ехать и ехать вместе так долго, пока не окажутся в Калифорнии все профессора.

Ленивая работяга

Я мечтаю организовать международный конкурс «Лень имени Лены». Силовое переворачивание с бока на бок – я бы сделала основным лежачим видом спорта. Хотя нет, основным была бы скоростная попытка сдвинуть себя с места. Но лень искать участников. И самое сложное в будущем соревновании – это представить, как наградить победителей: уверена, им даже взобраться на пьедестал будет влом.

Я – самая обычная ленивая работяга. Обожаю писать, хотя лень. Обожаю читать, хотя лень. Обожаю учиться, хотя лень. Обожаю кушать, хотя даже это лень. Когда неделю плющит приготовить ленивые голубцы, хотя дико хочется, – это мелочь. Обычно мысленно я составляю огромный список дел и ищу, кто бы их сделал. Недавно поняла, что мне лениво даже лениться.

Я не стесняюсь объявить любому, что самая ленивая на свете, но мне не верят. И главный довод весьма смешной: типа, я даже по лестнице спешно несусь наверх, несмотря на одышку. И никто

не понимает, что я действительно несусь, чтобы быстрее лечь и ничего не делать. Хотя мечтать – это тоже труд. А вдруг меня внесут в «Книгу рекордов Гиннеса» как самого ленивого человека на свете? А потом для прикола одесситы переименуют переулок Дунаева, в котором я живу, в переулок Палашек, ведь никто никогда не чувствовал ленивых.

Но хватит лить воду на ветряную мельницу – пора рассказать о главном.

Вчера я безучастно и сонливо наслаждалась весенним солнцем во дворе на лавочке, пытаюсь впитать весь свет – и прямой, и отраженный морем. Ближайшее незакрытое окно подарило запах жареной картошки. Мои флегматичные мысли тут же его впитали, и голодное неудовлетворение окутало, как плед. Из подземного гаража выехали несколько машин с противным, но благодушным рычанием. И вдруг пропитанные табаком мужские руки закрыли мне глаза. Определять, кто это, было лень. Но меня воодушевил странный шепот:

– За спиной философ...

Впервые чувство неразгаданной тайны перебороло осоловелость и включилось желание подыграть:

– Аристотель, Сократ, Платон, Готфрид, Жан-Жак, Аврелий, Конфуций, Анаксимандр или Анаксимен?

Меня перебил глуховатый басовитый голос:

– А проще имена в голову не приходят?

– Зигмунд? – флегматично улыбнулась я.

Уже через секунду рядом сел симпатичный бородатый мужчина и снисходительно улыбнулся:

– Обычно мое имя называют первым...

– Вы? – я незаметно округлила глаза.

Мужчина раскурил сигару и, не обращая на меня внимания, продолжил:

– Как говорят у вас в Одессе, таки передо мной славный экземпляр для моих научных тутосторонних изысканий. Хотя я, первый объект эвтаназии, выбрал спокойствие тут, ну, для вас это там, проблемы человеческого сознания меня беспокоят до сих пор. И тут и там беспокоиться не о чем, просто захотелось помочь вам отыскать момент, когда родилась ваша уникальная лень.

- Мне мешает дым...
- Не перебивайте. Я никогда не вступаю в дискуссии насчет дыма, тем более вы столько лет курили. Ответьте только на один вопрос: почему вы идете на поводу у лени?
- Я не иду на поводу у лени. На поводу у лени я лежу.
- Тогда второй вопрос: если любовь женщины к себе сравнима с любовью, которую испытывает к ней мужчина, почему вам лень себя любить?
- По-разному бывает. Когда мои пальцы бегают по клавишам, я могу позволить чувства даже к себе.
- Это как раз закономерно. Воплощая свои фантазии в книгах, вы избегаете напряжения, способного привести к болезни. Но вернемся к вопросу: почему вы не любите себя?
- Я привыкла отдыхать до того, как устала. Любить – это напряженная работа, а мой мозг постоянно ищет способы от нее увильнуть. Я научилась откладывать любые дела, как курица яйца. Но представьте, что мне, например, нужно покрасить лавочку, а на ней лежит чужой кошелек, так вот я его покрашу тоже, потому что лень поднять. Я – самый всеЛенский человек. Мне лень абсолютно все.
- А вы задумывались, что лень сама по себе – трудяга? Она постоянно работает над тем, чтобы сделать из человека овощ.
- Но потом она трудится, чтобы овощ превратить в человека.
- Какой по-детски наивный ответ. А вас часто захлестывают детские эмоции? Я заметил, что ваши пережитые радости и потрясения льются ручейками в ваши рассказы. Правда, они натываются на пороги лени, и вы становитесь самым пассивным участником всего происходящего. Хотя облако иллюзий вашей радостной активности так поглощает остальных, что вы иногда сами верите в нее. Вы прекрасны в своей лени, однако генезис прекрасного остается все еще открытым вопросом. Категории «прекрасное» и «возбуждающее» взаимосвязаны. Ваша лень родилась в тот момент, когда вы решили, что половые органы, вид которых вызывает возбуждение, вовсе не являются прекрасными.
- Я втянула в себя сигарный дым и поняла, что никогда не начну снова курить, потому что мне лень нести окурки в урну. Мой собеседник пыхтел сигарой с нескрываемым удовольствием. Хоте-

лось спросить его, а помнит он ту боль, что принес ему рак нёба и все тридцать с лишним операций, но я постеснялась. Моя неуверенность вылилась в бессмысленные слова:

– Поэт с помощью созданного им мифа способен выйти из любого положения.

– Когда вы рассказываете людям о выдуманном герое, предоставляя возможность вживаться в образ сексуально озабоченной женщины, вы сами себя подставляете. Так на что же опирается ваша лень?

– На ничегонеделанье, наверное.

– Ошибаетесь, на ваше детство, на желание творить и на запреты это делать. Большую часть жизни вы делали не то, что хочется, а то, что нужно. Изумительная среда для развития лени. Запомните главное: трудноприручаемое либидо часто берет верх над принципом реальности вопреки инстинкту самосохранения. Лень – это потеря данного инстинкта. Разрешите откланяться. Надеюсь, открыв природу ваших проблем, я вам помог. И последний вопрос: что вам нравится в сексе?

Я, не задумываясь, брякнула:

– Команда *лежать!*

Бородатый мужчина глубоко затянулся сигарой, улыбнулся и... просто исчез. А я не удержалась и крикнула вдогонку:

– Я, самый обычный пожиратель времени, причем с детства, хочу... Короче, будет желание – заглядывайте. Когда приходят гости, я забываю о лени.

Ответа не последовало, и мне захотелось начать бороться с невозмутимой умиротворенностью.

– Устала ничего не делать, пойду полежу, – подумала я вслух и добавила совсем тихо: – и знаете, когда я планирую ничего не делать, точно все успеваю.

